

Юй Цинтан взяла ручку, подняла взгляд на плачущую Ши Кэюй и сказала:

— Завтра пусть родители придут. Можешь идти в класс.

— Спасибо, учитель. — Ши Кэюй всхлипнула, вытирая слезы, когда сбоку протянулась рука с салфеткой.

Она подняла голову и взяла салфетку:

— Спасибо, Чэн-лаоши.

— Иди на урок, — мягко сказала Чэн Чжаньси. — Юй-лаоши заботится о вас. В вашем возрасте не стоит знакомиться с взрослыми произведениями, потому что вы еще мало видели и можете слишком увлечься такими вещами. Когда вырастешь, поймешь, что в этом нет ничего особенного.

Ши Кэюй смотрела на нее, глаза, промытые слезами, стали еще ярче, и в них появилось ожидание того времени, о котором говорила Чэн Чжаньси.

Чэн Чжаньси не смогла удержаться и продолжила:

— Как человек, прошедший через школьные годы, я понимаю твое любопытство, твою тягу к любви, но твое сознание еще не созрело. Сердце каждого человека драгоценно и чисто, и вы еще растете, поэтому не стоит подвергать его преждевременному влиянию.

Ши Кэюй, не до конца поняв, вернулась в класс.

Чэн Чжаньси обернулась к Юй Цинтан, взгляд скользнул с ее лица на маньхуа, и она с улыбкой спросила:

— Юй-лаоши, можно мне посмотреть эту маньхуа?

Юй Цинтан с холодным выражением лица убрала маньхуа в ящик.

Чэн Чжаньси почесала нос, но не вернулась к своему столу, а подошла ближе и тихо спросила:

— Ты правда собираешься вызывать ее родителей?

Юй Цинтан, не поднимая головы, спокойно ответила, продолжая писать в учебнике:

— Она увлеклась таким чтением, и ее родители должны это знать.

Юй Цинтан помнила, как видела через окно задней двери, с каким увлечением Ши Кэюй читала эту маньхуа. Когда она вошла в класс, и атмосфера мгновенно изменилась, девочка даже не заметила. Ее соседка по парте толкнула ее локтем, и только тогда она подняла голову, увидела Юй Цинтан и в панике спрятала маньхуа в парту.

Сейчас интернет настолько развит, что романы по-прежнему популярны, но информация в них разного качества. Ученики так или иначе сталкиваются с такими книгами. Юй Цинтан тоже прошла через школьные годы, она сама не читала, но знала об этом. Однако читать — это одно, а увлекаться откровенными изображениями — совсем другое.

Образование состоит из семьи, школы и общества, и семья — это первый и самый важный этап, особенно для несовершеннолетних.

Чэн Чжаньси согласилась с словами Юй Цинтан.

В детстве родители тщательно выбирали книги для нее, целенаправленно развивая ее вкус. Когда у нее появился интерес к теме секса, родители не избегали этого, как чего-то ужасного, а отвечали на все вопросы. На каждом этапе ее жизни рядом были заботливые родственники.

Чэн Чжаньси оперлась на край стола и с улыбкой сказала:

— Я поняла. Значит, ты вызываешь ее родителей не для того, чтобы они ругали Ши Кэюй, а чтобы обсудить корень проблемы?

Юй Цинтан: «...»

Она слегка пошевелила губами и холодно ответила:

— Ты очень шумная. Мне нужно готовиться к уроку.

Чэн Чжаньси сделала жест, будто застегивает молнию на губах.

Как только Юй Цинтан снова погрузилась в работу, сбоку раздался звук «пщщщ».

Юй Цинтан почувствовала, как безымянный гнев поднимается к макушке. Она незаметно вдохнула и холодно подняла взгляд.

Она что, не понимает человеческого языка?!

Чэн Чжаньси сидела за своим столом, лицом к ней, подняла руки над головой и изобразила сердечко.

Ее глаза превратились в полумесяцы от улыбки.

Юй Цинтан: «...»

Уголки ее губ слегка дернулись, будто она хотела улыбнуться, но затем она сжала губы и, сохраняя невозмутимое выражение лица, отвела взгляд.

Рядом завибрировал телефон.

Юй Цинтан разблокировала экран.

[Чэн Чжаньси]: Юй-лаоши, держись [Сердечко от Чэн]

«Сердечко от Чэн» был стикером, на котором маленький человечек, похожий на Чэн Чжаньси, склонил голову, улыбаясь, и изображал большое сердечко, из которого сыпались маленькие розовые сердечки.

Юй Цинтан: «...»

Она спокойно заблокировала экран, написала пару строк, затем остановилась и опустила взгляд еще ниже.

Она сжала губы, но уголки глаз непроизвольно поднялись в улыбке.

...

Когда Юй Цинтан разговаривала с мамой Ши Кэюй, Чэн Чжаньси сидела за соседним столом и наблюдала, с выражением, не предвещающим ничего хорошего.

Разговор не шел гладко. Ши Кэюй, видимо, не сказала маме причину вызова, и та, приехав в школу, узнала, что дело в маньхуа с откровенным содержанием. Ее вспыльчивый характер тут же дал о себе знать, и она хотела вызвать Ши Кэюй в кабинет, чтобы при всех отругать.

К счастью, Юй Цинтан предусмотрительно не сразу привела Ши Кэюй в кабинет.

Она старалась уговорить маму Ши Кэюй успокоиться, но та не слушала, говоря сама с собой:

— Учитель, не сердитесь, я уверена, она должна извиниться перед вами! Она нарушила дисциплину, читала такие... такие неприличные вещи! Она совсем не уважает учителей!

Юй Цинтан:

— Я не сержусь.

Мама Ши Кэюй торопливо ответила:

— Пожалуйста, не говорите так. Учитель, вы терпеливы, но нельзя пользоваться этим, правда? Иначе кто захочет быть учителем?

Чэн Чжаньси, едя яблоко, подумала: «Ты, конечно, справедливая».

Она мысленно вздохнула: «Жаль только, что долгие речи Юй-лаоши превратились в разговор глухих».

Она, такая молчаливая, как классный руководитель, должна сталкиваться с разными учениками и родителями. Это действительно тяжело.

Мама Ши Кэюй хотела броситься в класс за дочерью, но Юй Цинтан остановила ее. Когда ситуация стала накаляться, Чэн Чжаньси бросила яблоко, подошла и разняла их, взяв Юй Цинтан за тонкое запястье и отвел за себя.

Родители были рядом, поэтому она сдержалась и не стала закатывать рукав, чтобы проверить, не повреждена ли кожа. Юй-лаоши была нежной, и даже легкое прикосновение могло оставить след.

В тот вечер, перед тем как выключить свет, она едва сдерживалась, чтобы не оставить следов, но в пылу страсти это было нелегко.

Чэн Чжаньси представилась:

— Я Чэн, тоже учитель Ши Кэюй.

Мама Ши Кэюй протянула обе руки, чтобы пожать руку Чэн Чжаньси, и с уважением сказала:

— Здравствуйте, Чэн-лаоши. Вы такая красивая.

Чэн Чжаньси, выступая в роли представителя Юй Цинтан, спокойно и мягко сказала:

— В возрасте Ши Кэюй естественно проявлять любопытство к таким вещам. Мы, как родители и учителя, должны направлять, а не сразу ругать, иначе это вызовет у ребенка протест.

Мама Ши Кэюй:

— Да-да, учитель, вы правы.

Чэн Чжаньси:

— Ваша дочь только перешла в старшую школу, это важный этап для заложения основы. Если из-за этого она начнет конфликтовать с учителями и родителями, не захочет учиться, это будет большая потеря. Поэтому мы должны проявить терпение и правильно решить эту проблему, чтобы она могла хорошо сдать экзамены и поступить в университет.

Мама Ши Кэюй:

— Учитель, вы совершенно правы!

Чэн Чжаньси:

— Может, сядем?

Мама Ши Кэюй:

— Да-да, учитель, садитесь первая.

Юй Цинтан взглянула на Чэн Чжаньси.

Почему когда она говорит то же самое, родители воспринимают это как ее недовольство, а когда говорит Чэн Чжаньси, они сразу соглашаются?

Неужели она выглядит такой недовольной?

Юй Цинтан невольно потрогала свое лицо.

Оно было без эмоций, но не злое, правда?

Чэн Чжаньси заметила ее жест и с трудом сдержала улыбку.

Юй Цинтан тоже увидела, как Чэн Чжаньси смотрит на нее с улыбкой в глазах, и, почувствовав неловкость, опустила руку. Она вдруг заметила, что другая рука все еще в руке Чэн Чжаньси, и, когда она потянула ее назад, кончики пальцев случайно коснулись ладони Чэн Чжаньси, которая инстинктивно сжала их, нежно обхватив нежные пальцы Юй Цинтан.

Тепло, словно невидимые нити, окутало ее.

Юй Цинтан забыла вырваться.

Мама Ши Кэюй села, положила сумку на колени и с надеждой посмотрела на Чэн Чжаньси:

— Учитель, скажите, что мне делать? Я вас слушаю.

Чэн Чжаньси вдруг почувствовала, как рука Юй Цинтан выскользнула из ее ладони.